

АСТЕРИШ МІРЪ

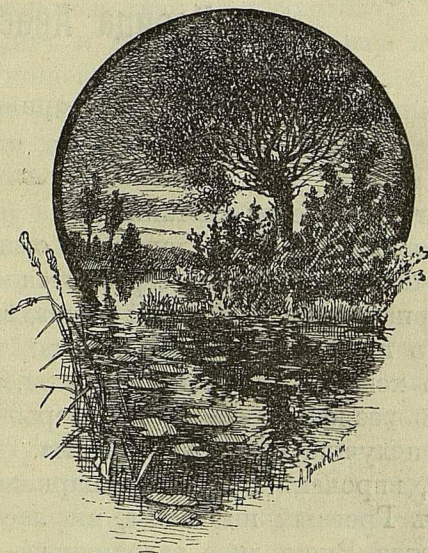

1910

15-го марта 1910 г.

XII 70.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 5-й.

Царица Анастасія.

(Изъ Московской старины. (Отрывокъ).)

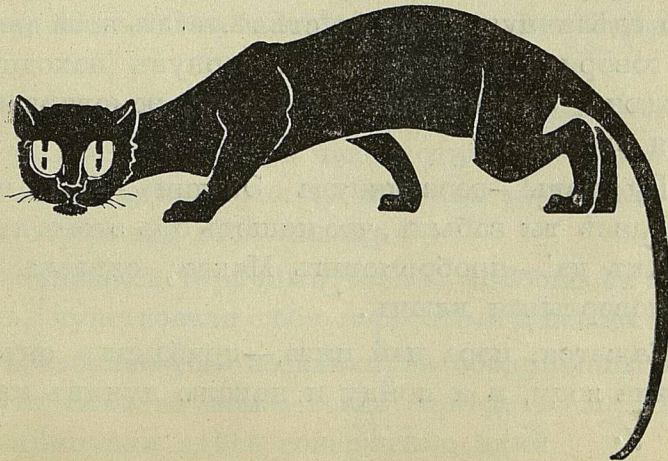
Убрана богато царская свѣтлица.
Предъ иконой древней въ дорогомъ окладѣ,
День и ночь мерцаая, мягко серебрится
Огонекъ привѣтный въ золотой лампадѣ.
По стѣнамъ повсюду хитрые узоры:
Видно, что хозяинъ, не боясь затраты,
Всюду, гдѣ возможно, добывалъ уборы—
Только-бы получше разубрать палаты.
И не диво, впрочемъ: для своей царицы
Не жалѣтъ Грозный ни казны, ни ласки;
Всѣ богатства Руси, дива заграницы—
Все отдать готовъ онъ за Настасьи глазки.
Только что-жъ тѣ глазки смотрять такъ печально,
И порой украдкой въ нихъ слеза мелькаетъ?
Неужель обидѣлъ кто-нибудь нахально?
Ну—тогда пусть кары страшной ожидаетъ!
Царь Иванъ въ то время начиналъ ужъ казни:
Головы гурьбою съ знатныхъ плечъ валились,
И ходили люди въ страхѣ и боязни

И отъ взоровъ царскихъ дальше хоронились.
Кто-жъ бы избидѣть смѣлъ теперь царицу?!
Нѣтъ, не отъ обиды плачутъ эти очи,
Будто и не видятъ пышную свѣтлицу,
Часто не смыкаясь напролетъ всѣ ночи.
Все, кажись, какъ было — тихо и спокойно;
Царь все такъ же любить, такъ же угождаетъ;
Жизнь проходить мирно, ровно и пристойно,
И народъ царицу чтить, благословляетъ. —
А въ душѣ тревога, странное смятенье,
И не-вѣсть откуда, будто боль глухая...
Ужъ не силы-ль вражей это наводненье?
Иль, быть можетъ, съ глазу немочь-та лихая?
Бабка-ворожея дважды приходила,
Приходилъ и нѣмецъ-дохтуръ ихъ придворный.
Бабка пошептала, хворь заговорила
И ушла съ улыбкой лстивой и притворной.
Докторъ далъ царицѣ разныя снадобья;
Онъ па ворожею злится, негодуетъ;
Хитрый нѣмецъ смотритъ какъ-то изподлбья,
Вывѣдать все хочетъ, что ее волнуетъ.
Какъ она привыкла къ лести и коварству!
Искренняго слова въ простотѣ не скажутъ!
Самъ вѣдь онъ не вѣритъ своему лѣкарству...
А ее все лѣчатъ, чѣмъ-то поятъ, мажутъ.
А царица знаетъ, что не въ этомъ сила,
Что недугъ не въ тѣлѣ, — то душа болѣетъ.
То-ль въ дѣвичьихъ грезахъ ей судьба сулила?!
Правда — мужъ къ ней ласковъ, любить и жалѣетъ.
Да — ее жалѣетъ; да — ее онъ любитъ; —
Но къ другимъ онъ грозенъ, гнѣвъ его ужасенъ:
Точно одержимый, вѣрныхъ слугъ онъ губить.
Правда — не совсѣмъ ужъ гнѣвъ его напрасенъ:
Съ дѣтства видѣлъ много козней онъ боярскихъ, —
Предъ ребенкомъ малымъ часто не стѣснялись;
Видѣлъ, какъ бояре на постеляхъ царскихъ
Въ грязныхъ сапожищахъ пьяные валялись;
Вѣдалъ онъ ихъ хитрость, злобные навѣты,

Лѣнь и казнокрадство:—кто что можетъ тянеть!
Помнить ложь и лесть ихъ, грязные совѣты: -
Пусть-де царь балуетъ, — намъ мѣшать не станеть!
Можетъ-ли онъ вѣрить этимъ родовитымъ,
Но не честнымъ слугамъ?! Слишкомъ онъ ихъ знаетъ!..
И въ порывахъ гнѣва смѣхомъ ядовитымъ
Онъ бояръ на плаху злобно провожаетъ.
И чѣмъ дальше—чаще—лютый гнѣвъ Ивана
Безъ разбора губить правыхъ и неправыхъ:
Всюду видитъ Грозный призраки обмана,
Ищетъ лишь пзмѣну, да враговъ лукавыхъ.
Онъ уже не чуетъ, онъ уже не вѣрить,
Что бываютъ люди чистые душою;
Всѣхъ однихъ аршиномъ царь несчастный мѣритъ —
И пустыню жизни видитъ предъ собою.
Одинокъ на тронѣ! Не съ кѣмъ подѣлиться
Думою высокой, царскою заботой.
А въ часы досуга съ кѣмъ отъ дѣлъ забыться?
Лишь царица любить, слушаетъ съ охотой,
И умна—нѣтъ спору, — ну а все-же-баба:
Многого не смыслить — и добра не въ мѣру:
Чуть кого накажешь — даже мягко, слабо,
Больше для острастки, да другимъ къ примѣру, —
А она ужъ съ просьбой, съ бабьими слезами:
„Пощади — помилуй, не суди — молю строго“,
Глянетъ этакъ въ душу свѣтлыми очами: —
„Отпусти вину ихъ“, молитъ ради Бога.
А того не знаетъ, что повсюду козни.
Эхъ, не гоже бабѣ вмѣшиваться въ дѣло!
Средь бояръ крамольныхъ, средь вражды и розни,
Править нужно твердо, строго и умѣло.
Выводить измѣну — это долгъ священный!
Онъ за Русь отвѣтчикъ предъ престоломъ Бога...
И не слышитъ Грозный Настинъ плачь смиренный
И бояръ караемъ беспощадно-строго.
А въ душѣ такъ пусто, жутко-одиоко,
И царю не спится цѣлыми ночами,
И готовъ итти онъ и пытать жестоко

Лиходѣевъ царскихъ вмѣстѣ съ палачами.
А потомъ — сомнѣнья, совѣсти укоры,
Страшныя видѣнья, стоны изъ-за гроба...
Царь въ безумномъ страхѣ; какъ въ горячкѣ взоры!..
Каково-жѣ царицѣ?! — и томятся оба.
Душу истерзали всѣ эти страданья:
Жаль и друга — Ваню, жаль и тѣхъ несчастныхъ;
Страшенъ судъ Господень, страшно наказанье..
Такъ живетъ царица въ мукахъ ежечасныхъ.
Гдѣ-же тутъ здоровью и веселью взяться?!
А и плакать вѣчно — Ваня осерчаетъ!
Нужно быть веселой, а не быть — казаться;
А не то-вѣдь долго-ль — съ нею заскучаетъ.
Смотришь — и разлюбить. — Слезы прятать надо!
Царь пусть радость видитъ, приходя къ царицѣ!..
Но глухою ночью, предъ святой лампадой,
Горькія рыданья слышатся въ свѣтильцѣ.....

Петровъ Леонидовъ.

Волшебныя бусы.

Загадка въ стихахъ.

(Продолженіе).

Черная смородина и крыжовникъ уже кончились, но деревья изобиловали яблоками и косточковыми плодами. Цвѣты въ саду содержались въ большомъ порядкѣ, очевидно, благодаря особой заботѣ тети Керри; дорожки украшены были бордюромъ, а дернъ на лужайкѣ былъ такъ ровенъ, что ходить по нему въ сапогахъ казалось преступленіемъ.

— Смотрите—воскликнулъ Максъ, указывая на крѣпкую, солидно сдѣланную дверь въ стѣнѣ.—Объ этой двери, вѣрно, тетя и говоритъ въ письмѣ.—Повернувъ [находившійся въ замкѣ ключъ, онъ вышелъ на дорогу, осмотрѣлся и снова вернулся въ садъ.

— Ну вотъ!—воскликнула Эвелина.—Ты не заперъ двери. Развѣ ты забылъ, что пишетъ объ этомъ тетя Керри?

— Ахъ да!—пробормоталъ Максъ, сдѣлавъ шагъ назадъ и повертывая ключъ.

— Кажется, пора чай пить,—прибавилъ онъ.—Ты бы вскипятила воду, а я пойду и наколю лучинъ къ завтрашнему.

Эго предложеніе было встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ: обѣ дѣвочки вернулись въ домъ, а Максъ отправился въ маленькій сарай, гдѣ еще раньше замѣтилъ чурбанъ и косарь. Эвелина и Христина нашли охоту за кушаньемъ весьма интереснымъ занятіемъ. Онѣ отыскиали въ кладовой жестянку съ остатками кэкса и стеклянное блюдо съ земляничнымъ вареньемъ.

Довольно долгое время онѣ не могли найти чаю и уже рѣшили удовольствоваться какао, когда Эвелинѣ пришло въ голову поискать въ столовой, и она вернулась оттуда съ чайницей, стоявшей на открытомъ буфетѣ. Столъ былъ снова накрытъ въ кухнѣ, которая, благодаря пылавшему въ очагѣ огню, казалась уютнѣе столовой.

Проработавъ надъ колкою лучинъ до боли въ рукѣ, и вспомнивъ, что велосипедъ остался у входа, Максъ пошелъ за нимъ и поставилъ его на ночь въ сарай. Къ этому времени Христина прибѣжала сказать ему, что котелъ кипитъ.

— На каждого человѣка по ложкѣ и одну для чайника, — сказала Эвелина, отсыпая чай.

— Христина вѣдь только полчеловѣка, — замѣтилъ Максъ принимаясь рѣзать хлѣбъ. Сначала дѣло шло хорошо, но чѣмъ дальше, тѣмъ ломти выходили все болѣе и болѣе неровными.

— По настоящему ей надо дать только молока.

— Нѣтъ, вы мнѣ дадите чаю, — отвѣтила Христина съ негодованіемъ. — Я здѣсь такая-же хозяйка какъ и вы. Максъ, ты сейчасъ обрѣжешь себѣ палецъ.

Дѣти, занявшись горячимъ чаемъ, хлѣбомъ съ масломъ и вареньемъ, чувствовали себя взрослыми и независимыми.

— Вотъ забавно-то! — воскликнула ободрившаяся Эвелина. — Что-то скажетъ мама, когда пріѣдетъ и увидитъ, что мы хозяйничали здѣсь совершенно одни.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, какой смыслъ таится въ этихъ бусахъ,—сказалъ Максъ.—Ваше таинств...

— Скрыта-ли въ этомъ старомъ домѣ какая-нибудь тайна? Вотъ интересно было бы разгадать ее! Хорошо бы, если бы эти бусы были волшебныя, какъ кольцо и лампа Аладина, и дали бы намъ все, что мы желаемъ!—проговорила Христина, послѣ чего, соскочивъ со стула, выбѣжала изъ кухни и вернулась черезъ нѣсколько минутъ съ роковымъ ящикомъ въ рукахъ.

— Ну,—продолжала она, вынимая нитку бусъ и держа ее въ рукѣ,—попробую пожелать что-нибудь. Пусть появится настоящая фея съ множествомъ...

Бусы, казалось, дѣйствительно обладали волшебной силой, такъ какъ рѣчь Христины была прервана громкимъ стукомъ въ дверь черного хода. Христина вскрикнула и уронила талисманъ на полъ.

— Кто бы это могъ быть?—прошептала Эвелина.—Максъ, пойдѣ, посмотри.

Максъ исчезъ и немного спустя вернулся, весело смѣясь.

— Это не волшебница,—проговорилъ онъ,—а просто булочникъ. Онъ извиняется, что опоздалъ, и спрашиваетъ, не нужно ли леди чего-нибудь.

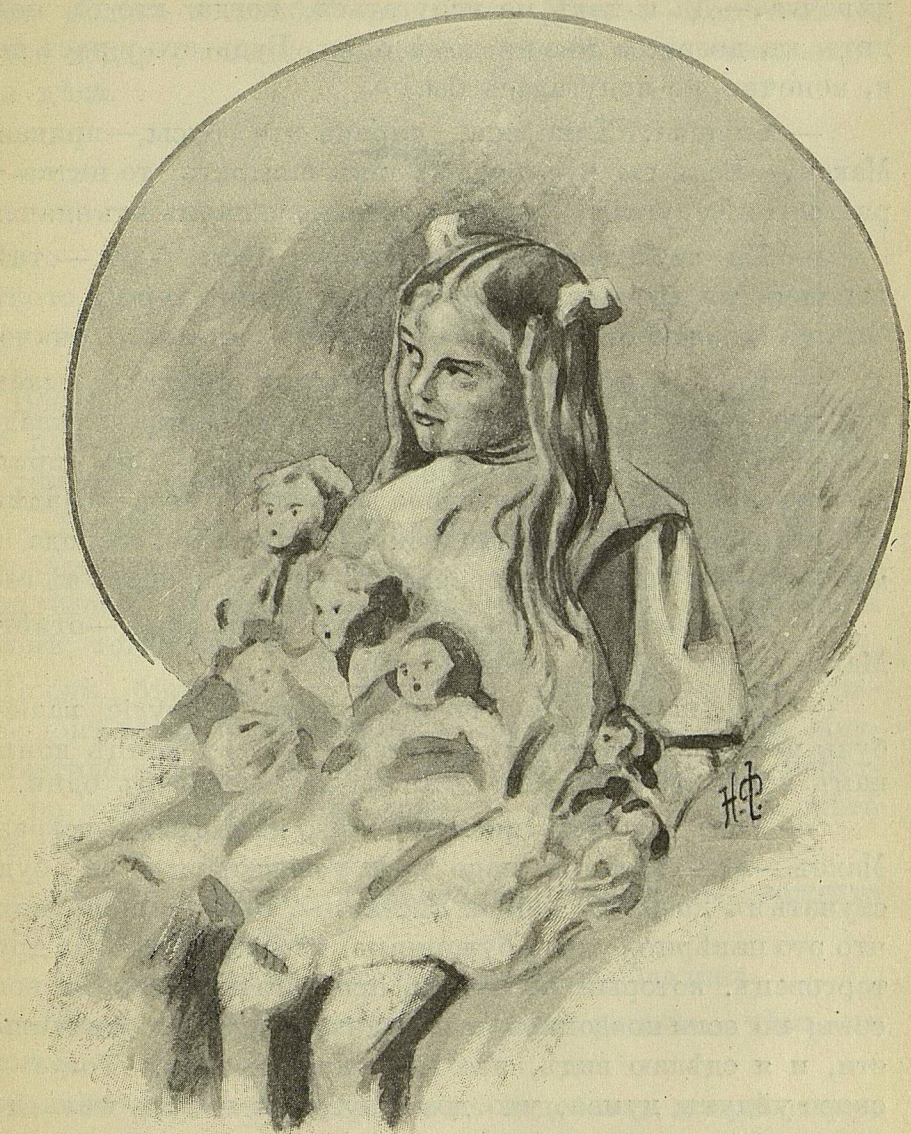
— Скажи, чтобъ онъ оставилъ одинъ хлѣбъ и приходилъ завтра опять.

Когда Максъ, передавъ порученіе, вернулся съ хлѣбомъ, его встрѣтили громкимъ смѣхомъ.

— Представьте себѣ! Такой малышъ и отдаетъ приказанія!—воскликнулъ мальчикъ, обращаясь къ Эвелинѣ.

— Чему же тутъ удивляться?—отвѣтила она съ важностью.—Я вѣдь понимаю кое-что въ хозяйствѣ.

— Какая же это хозяйка, которая боится подойти къ двери, когда булочникъ стучится?—отвѣтилъ братъ.

— Я вѣдь не знала, что это булочникъ,—возразила дѣвочка.—Да и какъ не испугаться, когда кто-то подходитъ къ двери, а мы въ домѣ одни. Будь это у насъ дома, я, конечно, не испугалась бы.

— Слушай, Христина, спрячь эти бусы,—приказалъ Максъ.—Если ты ихъ будешь такъ швырять, то нитка оборвется, онѣ спутаются, и мы никогда не узнаемъ ихъ значенія.

— На тебѣ твои глупыя старыя бусы, бери,—отвѣтила маленькая дѣвочка, толкая къ нему ящикъ черезъ столъ.—Онѣ не волшебныя, и въ нихъ нѣтъ никакого значенія.

— Ко мнѣ придетъ гость!—сказала Эвелина, вылавливая изъ своей чашки маленькую черную чайнку и кладя ее поверхъ руки.—Вторникъ—среда—четвергъ.—Онѣ придетъ въ четвергъ. Ну его,—прибавила дѣвочка, смѣясь.—Надѣюсь, что онѣ перемѣнитъ свое намѣреніе. Послушайте, господа, а что мы будемъ дѣлать, если правда кто-нибудь придетъ въ гости?

— Скажемъ, что м-съ Хазельтонъ нѣтъ дома,—отвѣтилъ Максъ.—Это будетъ довольно вѣрно.

— Да, но намъ могутъ предложить и другіе какіе-нибудь вопросы,—отвѣтила его сестра.—И въ концѣ концовъ намъ придется сознаться, что мы здѣсь живемъ одни.

— Такъ что-же? Никому до этого нѣтъ дѣла,—возразилъ Максъ.—Мнѣ кажется, надо такъ условиться: если будутъ стучать въ дверь съ черной лѣстницы, то это ничего, потому что это навѣрно будетъ булочникъ, или какой-нибудь другой торговецъ, который не будетъ предлагать никакихъ вопросовъ; но если позвонять съ параднаго хода, это значить гости, и я сдѣлаю видъ, что не слышу звонка. Тогда они скоро уйдутъ, думая, что домъ пустъ и никого нѣтъ дома.

— Поищемъ цѣпь и замокъ, чтобы запереть переднія ворота. Тогда никто ужъ не войдетъ,—предложила Христина.

— Вотъ такъ придумала! какъ же намъ будутъ приносить молоко и хлѣбъ?—возразилъ Максъ.—Успокойтесь, это все вздоръ; конечно, никто не придетъ сюда соваться въ наши дѣла.

ГЛАВА IV.

ИСПУГЪ.

Послѣ чаю обѣ дѣвочки вымыли и убрали всю посуду и пошли въ садъ, гдѣ игра въ прятки при наступавшей уже темнотѣ доставила имъ много удовольствія.

— Вечера уже становятся короче,—вздохнулъ Максъ, собираясь итти въ комнаты.—Для нѣкоторыхъ игръ мнѣ бы хотѣлось, чтобы каникулы начинались не въ августѣ, а въ іюнѣ; тогда свѣтло до 10 часовъ.

Послѣ бѣготни на вольномъ воздухѣ все въ старомъ домѣ казалось мрачнымъ и молчаливымъ. Даже Макса охватило жуткое чувство, когда онъ вошелъ въ переднюю; по этой причинѣ онъ, можетъ быть, и началъ пѣть во все горло.

— Я запру двери,—воскликнулъ онъ.—А вы зажгите лампы; онѣ заправлены.

— Гдѣ мы будемъ сидѣть?—спросила Эвелина.

— Въ кухнѣ,—былъ отвѣтъ.—Тамъ уютнѣе, чѣмъ въ столовой.

Съ заботливымъ видомъ, какъ подобаетъ домохозяину, Максъ повернулъ ключъ въ замкѣ парадной двери, заложилъ болты, посмотрѣлъ, закрыты ли окна въ переднихъ комнатахъ, потомъ пошелъ въ библіотеку, гдѣ тоже заперъ

ставни. Когда онъ вошелъ въ кухню, тамъ уже горѣла лампа, придававшая всему окружающему болѣе веселый видъ. Хотя никто изъ троихъ не высказывалъ этого, но у каждого въ глубинѣ души таилось безпокойное чувство, что они одни въ пустомъ домѣ, въ которомъ имъ предстоитъ провести длинную темную ночь, пока не настанетъ дневной свѣтъ.

— Однако съ сегодняшняго утра точно цѣлая вѣчность прошла,—сказала Христина.—Я думаю, это намъ кажется, потому что такъ много было всякихъ приключеній; но все-таки трудно себѣ представить, что съ тѣхъ поръ, какъ мы пили утренній чай дома, прошло менѣе двѣнадцати часовъ.

— Скоро надо будетъ ужинать,—замѣтилъ Максъ.

— Максъ!—восклинула Эвелина.—Ты только и думаешь объ ѣдѣ. Вѣдь мы только-что пили чай!

— Ну,—отвѣтилъ Максъ,—это помогаетъ намъ заполнить время. Въ кладовой есть сыръ. Я его поджарю къ ужину. Я видѣлъ въ той маленькой комнатѣ нѣсколько переплетенныхъ томовъ „Иллюстрированныхъ Лондонскихъ Новостей“, принесемъ ихъ сюда; на этомъ столѣ удобно смотреть. Возьми свѣчу, Эвелина, и посвѣти мнѣ.

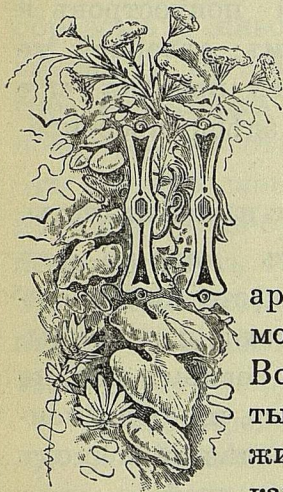
(Продолженіе слѣдуетъ).

Земля до человѣка.

(Окончаніе).

аружность этихъ тварей, должно думать, могла внушить только ужасъ и отвращеніе. Все это были неуклюжія туловища, покрытыя то броней, то складками голой кожи. Встрѣчались шеи длинныя и гибкія, какъ змѣи, на которыхъ качались уродливо-маленькія головы. Нѣкоторыя чудовища имѣли на спинѣ вдоль хребта—страшныя пилы, зубцы которыхъ достигали цѣлаго метра. Многія, напоминающія кенгуру, любили сидѣть на заднихъ лапахъ, опираясь на толстыя мясистыя хвосты, и срывать листву съ верхушекъ пальмъ. Другія напоминали нашего крокодила во много разъ увеличеннаго и посаженнаго на могучія ноги медвѣдя.

Таково было это ужасное населеніе нашей земли въ тѣ отдаленныя времена, которое своимъ видомъ скорѣе походило на какой-нибудь болѣзненный кошмаръ, чѣмъ на живую дѣйствительность.

На сколько чуждъ намъ весь этотъ міръ животныхъ, на столько же были отличны отъ нашихъ и тѣ материки, на которыхъ онъ обиталъ.

Африка, Южная Америка и Аравія составляли тогда одинъ материкъ, въ составъ котораго входило и нынѣшнее дно Атлантическаго океана. Китай, Индо-Китай и Австралія составляли второй материкъ. Сѣверная Америка, отдѣленная отъ Южной и соединенная съ Гренландіей, была третьимъ материкомъ. Наконецъ, Скандинавскій полуостровъ и Финляндія были только большимъ островомъ; сѣверной же части Азіи и большей части Европы въ тѣ времена еще не существовало, такъ какъ вмѣсто нихъ здѣсь простирались необозримыя моря.

Таковъ былъ міръ третьяго періода жизни нашей планеты.

Но вотъ, пресмыкающіяся начинаютъ мало-по-малу мельчать. Летающіе ящеры вымираютъ. Вмѣсто нихъ появляются въ большомъ количествѣ млекопитающія и птицы. Очертанія морей и материковъ, хотя и не совсѣмъ еще, но уже въ значительной степени приближаются къ современнымъ. Земля вступаетъ въ четвертый и послѣдній періодъ развитія, который продолжается и до нашихъ дней.

Однако, въ продолженіе этого періода произошло удивительное и даже загадочное событіе, которое какъ бы разбило этотъ періодъ на двѣ эпохи, значительно отличающіяся одна отъ другой. Первая изъ нихъ, болѣе ранняя, называется „третичной“;—вторая, къ которой примыкаютъ наши времена, получила названіе „четвертичной“;—а между ними тянется странная, промежуточная эпоха, о которой мы поговоримъ ниже.

Во время „третичной“ эпохи на землѣ повсемѣстно господствовалъ еще тропическій климатъ, что и благопріятствовало развитію обильной роскошной растительности.

Всѣ вновь появившіяся животныя, пользуясь окружающимъ ихъ обиліемъ, такъ же какъ и раньше, развивались порою въ почтенныхъ великановъ, среди которыхъ наиболѣе крупными надо признать предковъ нашихъ слоновъ. Отъ послѣднихъ они отличались лишь болѣе крупными размѣрами да строеніемъ своихъ бивней. У однихъ они росли изъ нижней челюсти и висѣли внизъ, какъ у моржа; у другихъ, какъ и у нашихъ слоновъ, они торчали впередъ, но росли какъ изъ верхней, такъ и изъ нижней челюстей, и такимъ образомъ у животнаго оказывалось по четыре клыка; наконецъ, у третьихъ они росли изъ верхней челюсти, но загибались вверхъ и дѣлали почти полный завитокъ. Эти послѣднія животныя назывались „мамонтами“ и отличались отъ нашихъ слоновъ да и отъ прочихъ своихъ родичей длинной темно-бурой шерстью, теплый покровъ которой позволялъ имъ обитать въ довольно холодныхъ странахъ. Такой же счастливой особенностью отличались и громадные т. н. волосатые носороги, которые вмѣстѣ съ „мамонтами“ могли переносить суровый климатъ сѣвера.

Далѣе, среди представителей описываемой эпохи, слѣдуютъ знакомые намъ бегемоты, носороги; а изъ вымершихъ особенно интересенъ предокъ нашихъ тигровъ, т. н. „махайродусъ“, что въ переводѣ значитъ „кинжало-зубый“, не даромъ прозванный такъ за свои страшные клыки, достигавшіе болѣе 20 сант. длины. Водились тогда и гигантскіе олени, имѣвшіе между рогами до 4 метровъ, и пещерный медвѣдь и многія другія животныя, по большей части очень родственныя существующимъ и теперь, и отличающіяся отъ нихъ бѣльшимъ ростомъ, да, можетъ быть, болѣе нѣжной и требовательной организаціей. Къ этой же эпохѣ относится и таинственное существо, названное въ наукѣ „питекъ-антропосомъ“ и составляющее какъ бы связующее звѣно между человѣкомъ и человѣкообразными.

Такъ какъ въ эту эпоху, какъ мы уже сказали, климатъ нашей планеты былъ равномерно тропическій, то естественно, что всѣ животныя, жившія въ то время на землѣ, могли распространяться по всему материку, на которомъ они находились. Такъ, напримѣръ, хоботные великаны свободно расселились по Аѳрикѣ, Европѣ и Азіи, которыя тогда были соединены между собою и представляли для жизни этихъ гигантовъ вездѣ одинаково удобныя условія существованія.

Но вотъ Аѳрика отдѣлилась отъ Европы, и такимъ образомъ дальнѣйшія переселенія стали уже невозможными,—оставшіяся въ Европѣ животныя оказались какъ бы въ плѣну, и вскорѣ должны были подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ этого плѣненія. А послѣдствія оказались для большинства изъ нихъ роковыми, такъ какъ климатъ сѣвернаго полушарія становился постепенно все болѣе и болѣе суровымъ и не представлялъ уже болѣе того приволья, которое раньше чувствовалось его обитателями. Животнымъ приходилось или погибать, или приспособляться къ новымъ условіямъ жизни. А на сколько порою эти условія бывали безпощадны, можно видѣть на судьбѣ слоновъ, которые во время отдѣленія Аѳрики отъ Европы, случайно остались на островѣ Мальтѣ.

Здѣсь, вслѣдствіе суровыхъ условій жизни, порода этихъ великановъ постепенно начала мельчать, и, въ концѣ концовъ, дѣло дошло до того, что изъ огромныхъ животныхъ слоны на Мальтѣ превратились въ смѣшныхъ лилипутовъ, такъ что взрослый слонъ оказывался здѣсь ростомъ всего въ одинъ метръ.

Такъ проходили вѣка и тысячелѣтія. Климатъ Европы становился все суровѣе и, наконецъ, здѣсь установились приблизительно такія же условія существованія, какія наблюдаемъ мы и теперь. Понятно, что при такомъ положеніи ве-

щей всѣ болѣе нѣжныя животныя, какими нужно считать и слоновъ, должны были погибнуть. И они погибли, въ пзобиліи усявъ своими костями пласты наносовъ того времени и уступивъ свое мѣсто болѣе выносливымъ породамъ, существующимъ у насъ и теперь.

Однако, какъ это ни покажется намъ страннымъ, но охлажденіе сѣвернаго полушарія на этомъ не остановилось и продолжалось все съ тою же послѣдовательностью.

Уже и раньше, на болѣе высокихъ вершинахъ европейскихъ горъ, начали мало-по-малу скопляться снѣга и отъ времени превращаться въ пласты льда или т. н. "глетчеры," Эти глетчеры, называемые также ледниками, медленно сползали по склонамъ горы, достигали болѣе теплыхъ областей и здѣсь таяли, превращаясь въ горныя ручьи и водопады. Теперь ледники появились уже и на такихъ горахъ, какъ Скандинавскія, на которыхъ прежде ихъ никогда не было. Изъ южныхъ морей солнце неустанно продолжало подымать все новыя и новыя массы воды. Вѣтры несли ихъ въ видѣ могучихъ тучъ къ нашимъ сѣвернымъ странамъ, и здѣсь эта вода осаждалась все новыми и новыми пластами холоднаго снѣга.

Проходили вѣка. Въ нашемъ сѣверномъ полушаріи становилось все холоднѣе. Нетающаго снѣга и льда все прибавлялось, и пласты его, сползая съ горъ и покатостей, начали покрывать собою уже и долины.

И вотъ настало, наконецъ, страшное время. Вокругъ сѣвернаго полюса образовалось непрерывное пятно, сплошь покрытое нетающимъ льдомъ, толщина котораго достигала 1000 и болѣе метровъ! Подъ нимъ исчезли вся Скандинавія, Англія, Европейская Россія до города Кіева, часть Германіи и Сѣверной Америки до города Нью-Йорка. Что касается Сибири, то здѣсь, какъ это ни странно, оледенѣніе зашло не такъ далеко къ югу, какъ въ Америкѣ и Европѣ.

Горы Кавказа, Альпы, Апеннины также не преминули далеко распространить свои льды, хотя область ихъ благодаря мягкости здѣшняго климата, была значительно меньше области сѣвернаго ледника, подъ страшнымъ покровомъ котораго разъ навсегда погибъ причудливый міръ роскошной природы на протяженіи громаднаго пространства трехъ частей свѣта. Теперь здѣсь бушевали холодныя снѣжныя бури, и по безпредѣльнымъ бѣлымъ пустынямъ отваживались бродить лишь сѣверный олень да полярная лисица, которыя кое-какъ добывали здѣсь себѣ скудную пищу. Весь остальной животный и растительный міръ былъ оттѣсненъ къ самымъ краямъ ледяныхъ полей, гдѣ начинались болѣе сносныя условія и была возможна жизнь, свойственная т. н. умѣренному климату.

Таково было время, которое въ наукѣ извѣстно подъ названіемъ „Великаго Оледенѣнія“, или „Ледниковаго періода“.

Но вотъ въ природѣ совершается какъ бы переломъ. Льды не только прекращаютъ свое движеніе на югъ, но даже, наоборотъ, медленно начинаютъ отступать къ сѣверу. А слѣдуя за ними, растительный и животный міръ мало по малу захватываютъ тѣ мѣста, которыя очищаются отъ ледяного покрова.

Однако, такая переменна къ лучшему оказалась лишь временной, и черезъ нѣкоторое время мертвящій покровъ снова переходитъ въ наступленіе и снова губитъ возродившуюся жизнь. Но, къ счастью, на этотъ разъ онъ не могъ уже достигнуть границы своего прежняго распространенія, и, невѣдомо по какой причинѣ, долженъ былъ снова начать отступленіе.

Ученые полагаютъ, что, прежде чѣмъ окончательно установился нашъ климатъ, существовало нѣсколько такихъ приступовъ ледяныхъ полей, т. е. нѣсколько „ледниковыхъ

эпохъ“, а, слѣдовательно, и нѣсколько „межледниковыхъ“, періодовъ.

Сколько времени продолжалась каждая изъ нихъ, сколько времени потрачено природой на всю эту великую борьбу климатовъ?

Отвѣтовъ на эти вопросы, по крайней мѣрѣ-точныхъ, пока еще нѣтъ; но во всякомъ случаѣ, время это надо мѣрять не тысячелѣтіями, а десятками тысячъ лѣтъ.

Не меньше 10000 лѣтъ прошло уже и отъ послѣдняго оледенѣнія и, несмотря на это, остатки его сохранились еще и до нашихъ дней.

Такъ, напримѣръ, Гренландія до сихъ поръ не успѣла еще оттаять и продолжаетъ находиться въ замерзшемъ состояніи. Въ Сибири у насъ также есть мѣста, гдѣ почва оттаяла только съ поверхности, тогда какъ на нѣкоторой глубинѣ она осталась еще мерзлой. Нерѣдко и тамъ и здѣсь попадаются пласты такъ называемаго ископаемаго льда, который лежитъ въ мерзлой почвѣ, нанесенной когда-то на ледниковыя поля и въ свою очередь замерзшей.

Мы уже говорили, что изъ всѣхъ крупныхъ животныхъ „третичнаго“ періода только мамонтъ и волосатый носорогъ, благодаря своей теплой шерсти, могли выносить суровый климатъ и, можетъ быть, стадами бродили среди болотъ, которыя образовались у самыхъ краевъ ледниковыхъ полей благодаря ихъ теченію. Вѣроятно, не малое число ихъ утонуло въ зыбкихъ топяхъ этихъ болотъ и замерзло въ нихъ, когда ледниковое поле надвинулось и покрыло мѣсто ихъ гибели.

Въ Сибири и теперь еще нерѣдко находятъ трупы такихъ еще не оттаявшихъ животныхъ, и притомъ находятъ ихъ съ совершенно сохранившейся шерстью, кожей и даже мясомъ.

Когда окончательно миновалъ „Ледниковый періодъ“, настала „четвертичная“ эпоха, т. е. почти-что наши времена, которая длится, можетъ быть, уже въ продолженіе не одного десятка тысячелѣтій.

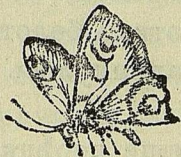
Теперь намъ остается отвѣтить еще на одинъ вопросъ: когда же появился впервые на землѣ царь природы,—человѣкъ?

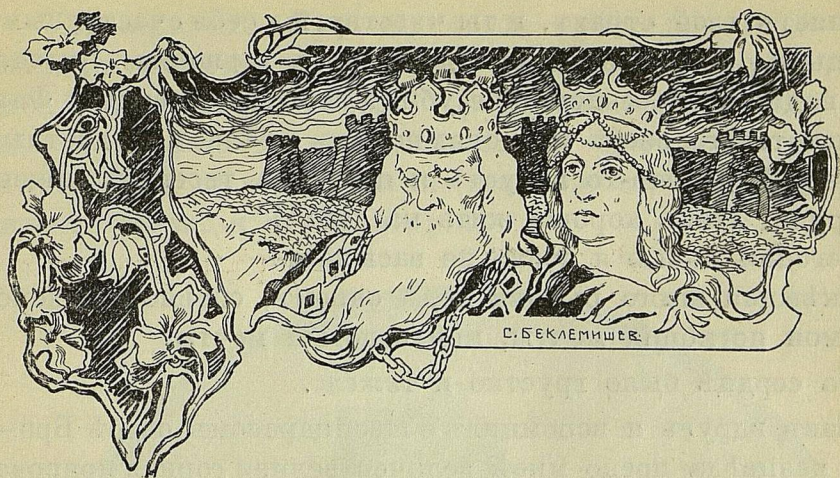
Какъ ни интересенъ этотъ вопросъ, но все же его и до сихъ поръ нужно признать не рѣшеннымъ.

Слѣды первобытнаго человѣка. въ видѣ остатковъ его кухни, охоты, наконецъ—въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ костей его самого, даютъ возможность предполагать, что въ Европѣ человѣкъ засталъ еще „ледниковый“ періодъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ появился, можетъ быть, и раньше. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что возникновеніе человѣческаго рода должно быть отнесено отъ нашего времени по крайней мѣрѣ за 100, 000 лѣтъ!

Каковъ же былъ человѣкъ того отдаленнаго времени, какъ онъ жилъ, какія опасности вынесъ, пока, наконецъ, вышелъ побѣдителемъ въ борьбѣ съ природой и завоевалъ намъ возможность жить такъ, какъ живемъ мы теперь? Вотъ вопросы, о которыхъ мы поговоримъ еще, и которые интересны во многихъ отношеніяхъ.

П. Джунковскій.

Озеро Брэ.

(Изъ Швейцарскихъ воспоминаній).

Въ безсонныя темныя ночи я часто мечтаю о волшебной Швейцаріи, объ ея заоблачныхъ снѣжныхъ горахъ, о зелено-голубыхъ озерахъ, о мятежныхъ водопадахъ, стремительно бѣгущихъ въ пропасть съ безумной высоты.

Мнѣ снова грезятся синіе глетчеры, мрачные, проложенные черезъ горы туннели, снѣговые горные великаны—Юнгфрау, Монбланъ, Егеръ, поражающіе и ужасающіе своей близостью.

Плывутъ передо мной и чаруютъ сладкія воспоминанія: въ маленькомъ вагончикѣ съ зубчатыми колесами поднимаюсь я на вершину горы Пилать; съ каждымъ движеніемъ вагончика растилающаяся внизу пропасть становится все глубже и страшнѣе.

Сперва немного жутко—а вдругъ вагончикъ покатится внизъ въ эту ужасную пропасть... потомъ привыкаешь,—отрывающаяся со всѣхъ сторонъ величественная природа

прогоняетъ твой страхъ, и ты чувствуешь себя счастливымъ и гордымъ, когда вагончикъ достигаетъ вершины Пилата, и ты видишь въ бездонной глубинѣ волшебную синеву Фирвальдштетскаго озера и утопающія въ цвѣтахъ радостныя долины. Тогда что-то ликуетъ и поетъ въ твоей восхищенной груди: „какъ хорошо жить на свѣтѣ!“

Сегодня ночью я долго не засыпалъ.

Снѣжная вьюга рыдала подъ окномъ, словно она хоронила мои погибшія мечты, мои золотыя мечты.

На сердцѣ было грустно и тяжело.

Какъ вдругъ я вспомнилъ о швейцарскомъ озерѣ Брэ— снова разцвѣла предо мной величественная горная природа, и память о ней прогнала мою тоску и печаль.

Къ сѣверу отъ Женевскаго озера, между долинами Веножъ и Веве, живописно поднимается цѣпь Юрскихъ горъ. У подножья горъ, на разстояніи двухъ часовъ ѣзды отъ Лозанны, по прелестной горной долиנѣ течетъ небольшое озеро Брэ.

Въ немъ много рыбы, и я часто видѣлъ, какъ бились серебристыя щуки въ сѣтяхъ окрестныхъ рыбаковъ. Озеро Брэ совсѣмъ не имѣетъ видимыхъ притоковъ, питающихъ его водой. Очевидно, его снабжаютъ водой многочисленные подводные ключи. Но зато изъ озера вытекаетъ бурный ручей—Форестай, съ помощью котораго работаетъ нѣсколько водяныхъ мельницъ въ расположенной недалеко деревнѣ Ривацъ; потомъ Форестай, становясь все шире и шире, нѣсколько разъ падаетъ съ горъ, образуя причудливыя водопады и, наконецъ, возлѣ мѣстечка Глероль впадаетъ въ лазурное Женевское озеро.

Зимой озеро Брэ все замерзаетъ и служитъ любимымъ мѣстомъ катанья на конькахъ для молодежи окрестныхъ городовъ и мѣстечекъ.

Недалеко отъ Брэ находятся руины древне-римскаго военнаго укрѣпленія (Castellum); — руины эти очень живописны и будятъ воспоминанія о римскихъ побѣдныхъ легіонахъ, сражавшихся подъ знаменами Цезаря съ одѣтыми въ звѣриныя шкуры галлами (галлами называли римляне жителей Франціи и Швейцаріи).

Въ іюльскую лунную ночь, помню, отправился я съ знакомымъ швейцарскимъ студентомъ изъ Цюриха осмотрѣть эти руины.

Луна озаряла своимъ фосфорическимъ печальнымъ свѣтомъ развалины стѣнъ укрѣпленія, бросала грустные лучи въ глубокій, вырытый римлянами много столѣтій тому назадъ, крѣпостной ровъ.

Какъ-то невольно хотѣлось мнѣ говорить съ своимъ спутникомъ о суетности земного величія, о ничтожествѣ военной славы...

Что осталось отъ непобѣдимыхъ желѣзныхъ римскихъ легионовъ, кровавой грозой пронесшихся по селамъ Галліи и Германіи?.. И побѣдители, и побѣжденные спятъ въ безмолвныхъ могилахъ... Боевая слава—дымъ и суета... Лишь память о подвигахъ добра во имя любви къ ближнему живетъ вѣчно.

„Нѣтъ, иногда и память о мрачныхъ дѣяніяхъ живетъ у потомковъ, но это уже будетъ черная, зловѣщая память“... —возразилъ мнѣ студентъ.

„Вотъ хотя бы судьба раскинувшагося стальной полосой сейчасъ передъ нами озера Брэ. Хотите, расскажу вамъ объ этомъ озерѣ легенду, которая и теперь еще распространена среди окрестныхъ крестьянъ?..“—продолжалъ мой спутникъ. Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе, и вотъ что онъ мнѣ рассказалъ:

Много вѣковъ тому назадъ, на мѣстѣ теперешняго озера Брэ лежала привѣтливая, вся утонувшая въ садахъ дѣревня.

Рядомъ съ ней бѣлѣлъ своими стройными, уносившими къ небу башнями, сверкалъ своими золотыми главами женскій монастырь.

Во всей Швейцаріи не было плодороднѣе полей этой деревушки, называемой Брэ.

Жители ея никогда не знали нужды, жили безпечно и богато. Ихъ поля были такъ плодородны, что совсѣмъ не нужно было обрабатывать землю—тучная земля сама давала безъ плуга золотую пшеницу.

Но старая народная мудрость говорить, что богатство и бездѣтельность портятъ людей, что лѣньность — мать всѣхъ пороковъ.

Стали жестокосердными, равнодушными къ чужому горю и жители Брэ.

Стали они гордиться и считать себя лучшими людьми на землѣ, и не ладили съ крестьянами сосѣднихъ деревень. Они были такъ испорчены, что не соблюдали вѣкового швейцарскаго обычая—давать ночлегъ всякому путнику.

Въ горныхъ странахъ, какъ Швейцарія, этотъ священный обычай гостепріимства имѣетъ особое значеніе, такъ какъ путникъ во время осеннихъ бурь и зимнихъ вьюгъ, лишенный ночлега, обреченъ въ горахъ, среди скользкихъ опасныхъ тропинокъ и страшныхъ пропастей, часто на гибель.

Однажды поздней осенью пришелъ въ Брэ съ сѣвера измученный путникъ. Долго бродилъ онъ въ горахъ, искалъ дороги, и, наконецъ, счастливый случай привелъ его къ деревнѣ Брэ.

Былъ уже вечеръ. Тьма одѣла альпійскія горы своимъ непроницаемымъ для свѣта покровомъ.

Усталый, голодный путникъ робко постучался въ дверь перваго дома деревни—его не пустили на ночлегъ. Напрасно обошелъ онъ всю деревню, стоя на колѣняхъ передъ жестокими хозяевами и моля о ночлегѣ... Одни грубо издѣвались надъ нимъ: „какъ хорошо ночевать въ горахъ, а ты просишься въ душныя избы!“ Другіе, болѣе сострадательные, извинялись: „мы бы пустили тебя, но должны за это на дѣшное заплатить большой денежный штрафъ“...

Тогда пошелъ опечаленный путникъ къ монастырскимъ стѣнамъ, размышляя: „монахини служатъ Богу любви и милосердія, молятся Христу—другу всѣхъ скорбящихъ и униженныхъ—онѣ позволяютъ мнѣ переночевать...“

Но изъ монастырскихъ воротъ раздался суровый отвѣтъ привратницы: „проходи съ миромъ, рабъ Божій—настоятельница запретила прохожихъ пускать... мало ли тутъ бродягъ шатается!..“

Пошелъ путникъ въ слезахъ отъ стѣнъ негостепріимнаго монастыря въ суровыя горы.

По дорогѣ попался ему спутникъ, участливо спросившій, куда онъ держитъ путь.

Путникъ разсказалъ старику о своемъ горѣ.

Послѣдній оказался жителемъ деревни Брэ, но его хижина стояла нѣсколько вдали отъ деревни.

Какъ въ нечестивыхъ городахъ—Содомѣ и Гоморрѣ былъ одинъ праведникъ—Лотъ, такъ и этотъ добрый старикъ не былъ похожъ на своихъ жестокихъ сожителей.

Онъ накормилъ голоднаго путника, пріютилъ его на ночлегъ въ своемъ домѣ, хотя и зналъ, что завтра придется ему платить денежный штрафъ за свое мягкосердечіе.

Но штрафа ему платить не пришлось.

На слѣдующее утро, когда путникъ, сопровождаемый старикомъ, вышелъ въ путь,—имъ представилось поразительное зрѣлище: деревня Брэ безслѣдно исчезла, а на ея мѣстѣ синѣло озеро.

Осталась невредимой отъ всей деревни только одна, стоявшая поодаль, хижина старика.

Пропалъ и монастырь съ его бѣлоснѣжными гордыми башнями и золотыми главами.

Не выплылъ ни одинъ трупъ на голубую поверхность озера, ни одна доска изъ тесовыхъ домовъ деревни. Все пропало безъ слѣда.

Сувѣрное преданіе гласить, что жители Бра не умерли, но въ наказаніе за свое безсердечіе были переселены властной рукой карающей справедливости на дно озера, гдѣ они и теперь — безъ солнечнаго свѣта, вдали отъ цвѣтущихъ земныхъ полянъ, отъ зеленыхъ лѣсовъ и чарующихъ альпійскихъ горъ — влачатъ жалкую, печальную жизнь.

Но мѣстные рыбаки говорятъ, что въ хорошую погоду, когда озеро спокойно, можно и теперь разглядѣть на его днѣ монастырскія главы.

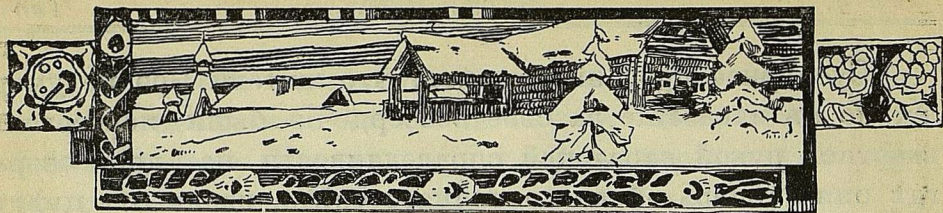
А въ пасхальную ночь со дна несется серебряный колокольный звонъ, и слышно пѣніе монахинь...

„Впрочемъ, самъ я нѣсколько разъ смотрѣлъ въ глубь зеркальнаго озера и ничего тамъ кромѣ корявыхъ пней и старыхъ дубовъ не замѣтилъ.

Не слышалъ я и подводнаго колокольнаго звона въ пасхальную ночь, хотя въ прошломъ году мнѣ пришлось именно въ эту ночь плыть на лодкѣ по озеру, хотя мнѣ очень хотѣлось услышать пасхальный подводный звонъ и я внимательно прислушивался...“ — докончилъ свой рассказъ цюрихскій студентъ.

Анатолій Доброхотовъ.

Ну-ка разгадайте. Географическая задача.

Изъ названія одной аффриканской страны можно составить два слова: одно изъ нихъ опредѣляетъ климатическую особенность этой страны, а другое—то, чѣмъ изобилуетъ большая африканская рѣка. Какая это страна?

Анаграмма.

Съ буквы ж меня весною,
Иль осеннею порою
Ты на улицѣ встрѣчалъ;
Съ буквой г покрыть цвѣтами,
Иль ищи межъ городами,—
Только знай, я очень малъ.
Съ буквой п для наблюденья
Я ботаникамъ служу,
Съ н всегда безъ утомленья
За землею я слѣжу.
Съ к у сѣдель я бываю,
Или имя означаю.

Содержаніе: Стихотвореніе *Петровъ-Леопидовъ*.—Волшебныя бусы (продолженіе).—
Земля до человѣка (окончаніе) *П. Джунковскаго*.—Озеро Брэ—Ну-ка разгадайте.
Объявленія.

Москва, Тип. Филатова. Срѣтенка Колок. пер. д. Малюшина.

Редакторъ-издатель Н. И. Фиделли.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ.

Дѣтскіе Наряды

М. Поповъ.

(Бывш. РУСАНОВОЪ и ПОПОВЪ).

МОСКВА, Кузнецкій пер., (Мостъ) № 4.

Иллюстрированный Прейсъ-Курантъ
высылаю бесплатно.

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО

СТРАДАЮЩИМЪ
ХОЛОДНЫМИ НОГАМИ

охотникамъ
наѣзднякамъ

Лыжникамъ и
Молоковнымъ,

необходимо и осить

наколѣнники

„ГРѢЙ!“

на шерстяномъ пуху

самоогрѣвающіе,

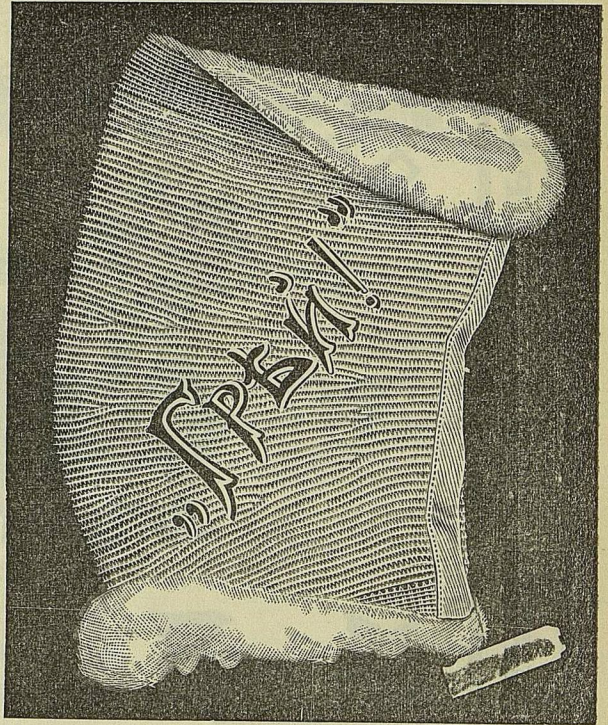
Не сползающіе.

ЦѢНА

за пару

смотря по размѣру ноги.

5 Сантиметровъ .	4 р. 50 к.
8 ”	5 ” — ”
40 ”	5 ” 50 ”
42 ”	6 ” — ”
Болѣе 42 сантиметр.	6 ” 50 ”

Бандажистъ Г. ШВАРТЦЕ. Москва, Маросейка, 15. Тел. 90-20.

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ
Москва, Н. Багчанная, д. 14.

для
страда-
ющихъ

ЗАИКАНИЕМЪ

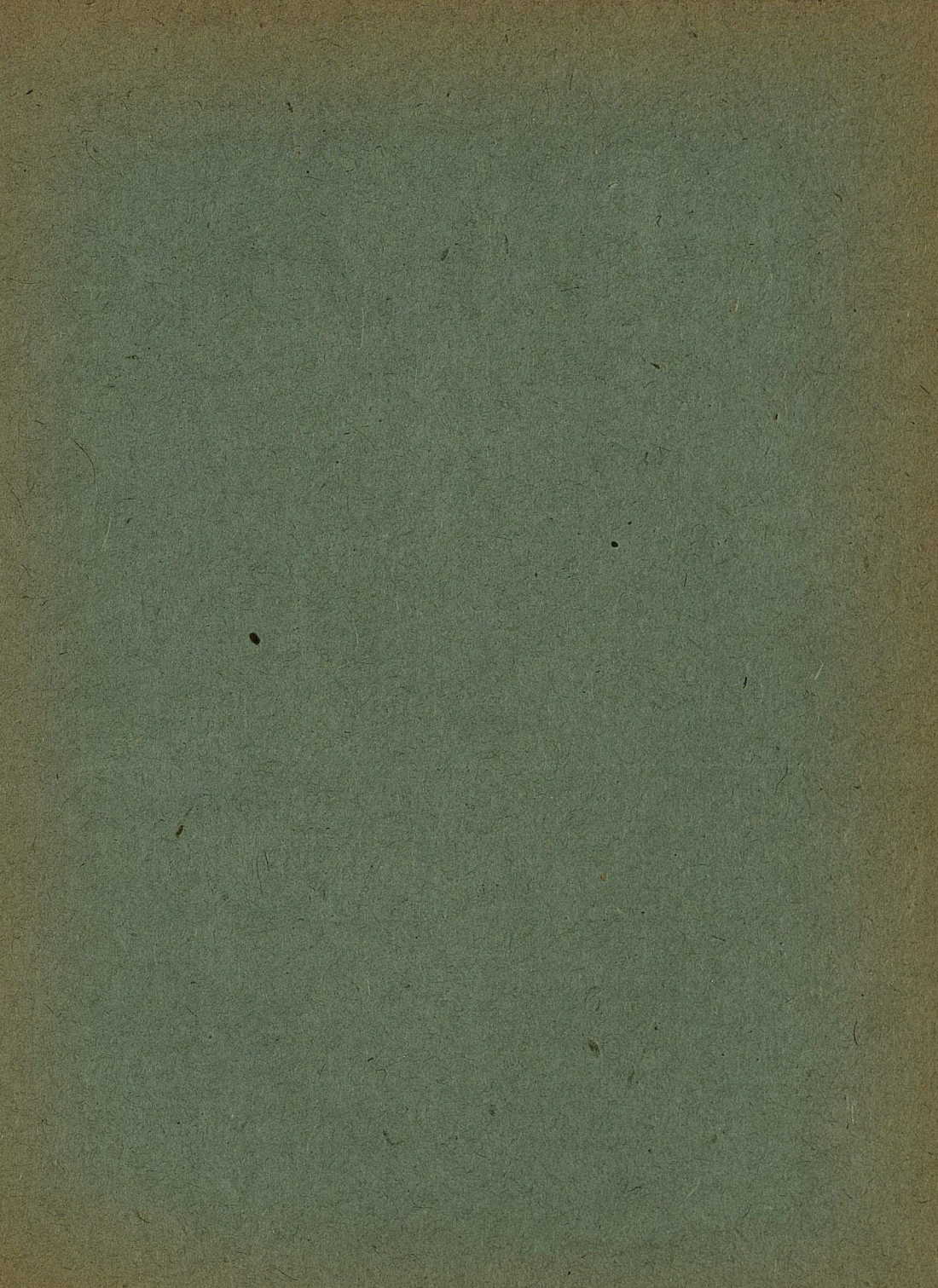
При лѣчебницѣ ПАКСЮНЪ. — ПЛАТА ПО ИЗЛѢ-
ЧЕНІИ. — Условія лѣченія высыл. бесплатно.

ТИПОГРАФІЯ И ПЕРЕПЛЕТНАЯ

Ф. И. Филатова.

Москва, Срѣтенка, Колокольна. пер., д. 26.

Пріемъ заказовъ: на разнаго рода типограф.
работы, конторскія книги и приним. переп-
леть журналы и книги

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 г.

(4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ для дѣтей 9—12 лѣтняго возраста.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Большая золотая медаль на выст. въ Марсели 1908 г.

— Похвальный листъ на выст. Искусство въ жизни ребенка. С.-Петербургъ 1908 г. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ.

24

выпущено журналовъ, содержащихъ по 32—48 страницъ богато иллюстрированн. текста.

24

выпущено приложений.

3

рубля
въ
годъ
съ дост.
и перс.

на 1/2 года—1 р. 50 к.,—на 3 мѣс.—75 к.,

Москва, Малая Лубянка, № 20, телефонъ № 15-03.

Редакторъ-Издатель *Н. М. Фиделяи.*

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

1. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ для отвѣта 7-ми копеечную марку или открытое письмо.

2. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позднее полученія слѣдующаго №.

3. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ адреса уплачивается 30 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

4. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

5. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи. Рукописи меньше одного листа уни. не принимаются.